

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Недждет Шахин и Перихан Шахин (Nejdet Şahin and Perihan Şahin) против Турции»¹

(Жалоба № 13279/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 20 октября 2011 г.

По делу «Недждет Шахин и Перихан Шахин против Турции» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Николаса Братцы, *Председателя Большой Палаты,*

Жозепа Касадевалы,

Нины Вайич,

Дина Шпильманна,

Христоса Розакиса,

Корнелиу Бырсана,

Анатолия Ковлера,

Элизабет Фура,

Лиляны Мийович,

Эгберта Мийера,

Давида Тор Бьёргвинссона,

Георге Николау,

Луис Лопеса Герра,

Ноны Цоцория,

Анны Пауэр-Форде,

Ишьль Каракаш,

Гвидо Раймонди, *судей,*

а также при участии Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 9 марта и 21 сентября 2011 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 13279/05, поданной 9 апреля 2005 г. против Турецкой Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) двумя

гражданами этой страны: Недждетом Шахином (Nejdet Şahin) и Перихан Шахин (Perihan Şahin) (далее – заявители).

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена правовая помощь (legal aid), в Европейском Суде представлял адвокат К. Карабулут (K. Karabulut), практикующий в г. Анкаре. Власти Турции были представлены одним из Уполномоченных Турции при Европейском Суде, М. Ёзменом (M. Özmen).

3. Заявители утверждали, что разбирательство их дела в судах государства-ответчика было несправедливым, поскольку разными судами были вынесены противоречащие друг другу решения (пункт 1 статьи 6 Конвенции).

4. Жалоба была передана на рассмотрение Второй Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 27 мая 2010 г. Палата, созданная в рамках Второй Секции, в составе Франсуазы Тюлькенс, Иренеу Кабрал Баррету, Владимиром Загребельского, Дануте Йочиене, Драголюба Поповича, Андраша Шайо, Ишьль Каракаш, судей, а также при участии Салли Долле, Секретаря Секции Суда, объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и постановила шестью голосами «за» при одном – «против», что отсутствовало нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

5. 25 августа 2010 г. заявители на основании статьи 43 Конвенции и правила 73 Регламента Европейского Суда подали ходатайство о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда. 4 октября 2010 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила данное ходатайство.

6. В соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда был определен состав Большой Палаты. В связи с тем, что Жан-Поль Коста не имел возможности принять участие во втором совещании Палаты, Председателем Большой Палаты вместо него стал Николас Братца, а Эгберт Мийер, первый по очереди запасной судья, принял участие в рассмотрении дела (правило 11 Регламента Европейского Суда). Корнелиу Бырсан, второй по очереди запасной судья, заменил Кристину Пардалос, которая не имела возможности участвовать в рассмотрении дела.

7. Заявители представили письменные замечания по существу дела. Власти Турции таких замечаний не представили.

8. 9 марта 2011 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось публичное слушание по настоящему делу (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В Европейский Суд явились:

(а) со стороны властей Турции:

М. Ёзмен (M. Özmen), *Уполномоченный Турции при Европейском Суде по правам человека,*

¹ Перевод с французского ООО «Развитие правовых систем».

² Настоящее Постановление вступило в силу 20 октября 2011 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

К. Эсенер (K. Esener),
 О. Чидем (O. Çidem),
 М.К. Эрдем (M.K. Erdem),
 Н. Ямали (N. Yamali),
 Ы. Эртюзюн (I. Ertüzün),
 Ф. Сёзен (F. Sözen),
 И. Коджайиит (İ. Kocayığit),
 А. Ёздемир (A. Özdemir), *советники,*

(b) *со стороны заявителей:*

К. Карабулут (K. Karabulut), *представитель,*
 М. Тунджел (M. Tuncel), *ассистент.*

Европейский Суд заслушал выступления К. Карабулута и М. Ёзмена.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявители родились в 1949 и 1950 годах соответственно и проживают в г. Анкаре.

10. Сын заявителей служил в военно-воздушных силах. Он погиб в результате крушения самолета, произошедшего 16 мая 2001 г. в Малатья (Malatya) (Акчадаг (Akçadağ) / Гюзьюрду (Güzyurdu))¹ в ходе перевозки воинских подразделений между г. Диярбакыром (Diyarbakır) и г. Анкарой. В результате этого происшествия погибли тридцать три военнослужащих, в том числе пять членов экипажа.

11. 10 мая 2002 г. юрист, представлявший интересы заявителей, обратился от их имени в Главное управление пенсионного фонда Турции (далее – ГУПФ Турции) с заявлением о предоставлении прав на получение пенсии, предусмотренных статьей 21 Закона № 3713 «О противодействии терроризму» (далее – Закон № 3713).

12. Письмом от 23 мая 2002 г. ГУПФ Турции сообщило, что заявителям были предоставлены, *inter alia*, ежемесячная пенсия по инвалидности в соответствии со статьей 64 Закона № 5434, а также единовременная выплата в размере тридцатикратной суммы максимальной заработной платы государственного служащего. Кроме того, ГУПФ Турции отметило, что причиной смерти сына заявителя являлся не террористический акт в значении, предусмотренном в Законе № 3713, а крушение самолета по неустановленной причине, вследствие чего отсутствует возможность увеличить размер ежемесячной пенсии по инвалидности до размера ежемесячной заработной платы, выплачиваемой действующим военнослужащим.

13. 15 июля 2002 г. юрист, представлявший интересы заявителей, обжаловал указанное решение в административный суд г. Анкары. В своей жалобе заявители утверждали, в частности, что их сын погиб в ходе обеспечения перевозки воинских частей, принимавших участие в борьбе с северо-

иракским терроризмом², вследствие чего следовало признать, что смерть наступила при осуществлении контртеррористической деятельности.

14. 1 апреля 2013 г. четвертая коллегия административного суда г. Анкары оставила заявление без удовлетворения, признав, что предмет спора был подведомственен Высшему военному административному суду. Четвертая коллегия сослалась при этом на постановление Суда по урегулированию разногласий от 14 мая 2001 г. (E.2000/77, K.2001/22) и указала следующее:

«...чтобы определить в целях установления подведомственности, имел ли административный акт отношение к военной службе, следует отталкиваться от предмета административного акта. Если данный акт был составлен с учетом военных требований, с соблюдением военных процедур и практик, а также применительно к военной службе, необходимо рассматривать его как относящийся к военной службе... То обстоятельство, что такой акт был принят гражданским органом власти, не ставит под сомнение данную ситуацию, и спор, инициированный военнослужащим... должен быть рассмотрен Высшим военным административным судом. В настоящем деле спор касается заявления о предоставлении прав на получение ежемесячной пенсии, предъявленных истцами на основании Закона № 3713... Чтобы определить, попадает ли указанное заявление в сферу применения данного закона, следует учитывать... цель военной службы, особенности места прохождения военной службы, годность к военной службе; следует признать, что акт, лежащий в основе дела, был составлен с учетом военных требований, с соблюдением военных процедур и практик.

В подобной ситуации... рассмотрение и разрешение спора входят в компетенцию Высшего военного административного суда.

Кроме того, аналогичные выводы содержатся в решении Суда по урегулированию разногласий № E: 2000/77, K: 2001/22, опубликованном в Официальной газете (Official Gazette)... от 18.06.2001 г.».

15. 3 июня 2003 г. заявители обратились в Высший военный административный суд. К своему исковому заявлению заявители приложили решение, принятое десятой коллегией административного суда г. Анкары 22 января 2003 г. (E.2002/1059, K.2003/27), считая, что указанное дело было идентично их делу (см. ниже § 26).

16. 10 июня 2004 г. Высший военный административный суд оставил требования заявителей без удовлетворения, отметив прежде всего, что заявителям были предоставлены ежемесячная пенсия по инвалидности, полученной в ходе боевых действий, а также единовременная выплата в размере тридцатикратной суммы максимальной заработной платы государственного служащего, рассчитанные в соответствии с дополнительной статьей 78 Закона № 5434 и индексированные в соответствии с Законом № 4567. Высший военный админист-

¹ Так в тексте. Как представляется, имеется в виду улица Гюзьюрду в г. Акчадаг провинции Малатья (Турция) (*примеч. переводчика*).

² Так в тексте (*примеч. переводчика*).

ративный суд постановил далее, что требования заявителей о повышении размера ежемесячной пенсии по инвалидности до уровня ежемесячной заработной платы, выплачиваемой действующим военнослужащим, были отклонены компетентным органом власти. Высший военный административный суд подчеркнул в этой связи, что права, предусмотренные статьей 21 Закона № 3713, могли быть предоставлены лишь в случае, когда государственный служащий получил ранение, инвалидность или погиб непосредственно в результате террористических актов. Высший военный административный суд полагал, что одного лишь факта выполнения заинтересованным лицом функции, целью которой было противодействие терроризму, было недостаточно. Он постановил, что погибший не являлся жертвой терроризма, вследствие чего оспариваемый административный акт не являлся незаконным.

17. Один из судей Высшего военного административного суда изложил особое мнение, в котором он подверг критике ограничительное толкование Закона № 3713. Напомнив, что стороны не оспаривали тот факт, что сын заявителей погиб в результате авиакатастрофы, произошедшей, когда он был одним из пилотов самолета, перевозившего воинские подразделения, возвращавшиеся после проведения контртеррористической операции, судья отметил, что суть дела состояла в том, применялась ли статья 21 Закона № 3713 в случае смерти военнослужащего. По мнению данного судьи, принимая во внимание цель задачи, стоявшей перед погибшим летчиком, это положение, безусловно, было применимо к обстоятельствам дела.

18. 6 июля 2004 г. заявители обжаловали постановление Высшего военного административного суда. В жалобе адвокат заявителей уточнил, что в замечаниях, представленных 10 июня 2004 г. в письменной форме и в устной форме – в ходе слушания, проведенного Высшим военным административным судом в тот же день, он предоставил четыре решения, вынесенных шестой, десятой и одиннадцатой коллегиями административного суда г. Анкары по требованиям, аналогичным требованиям заявителей, предъявленным четырьмя семьями военнослужащих, погибших в результате той же авиакатастрофы, что и сын заявителей; указанные решения были вынесены в пользу истцов. Адвокат заявителей жаловался на отсутствие отсылок к этим решениям в постановлении Высшего военного административного суда и утверждал, что решение, принятое последним, нарушало конституционные принципы равноправия и единства судебной системы.

19. 30 сентября 2004 г. Высший военный административный суд оставил жалобу заявителей без удовлетворения ввиду ее необоснованности и признал обжалуемое постановление соответствующим закону и вынесенным с соблюдением норм про-

цессуального права. Данное постановление было направлено адвокату заявителей. Почтовый штемпель на конверте был датирован 11 октября 2004 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Краткое описание судебной системы Турецкой Республики

20. Судебная система Турции подразделяется на три подсистемы: суды общей юрисдикции, включающие гражданские и уголовные суды; административные суды и военные суды. Внутри этих подсистем суды подразделяются в зависимости от предмета спора. Каждая из этих трех подсистем возглавляется своим высшим судом: Кассационным судом для судов общей юрисдикции и военными судами относительно их юрисдикции и решений (статья 158 Конституции).

В. Соответствующее законодательство Турецкой Республики

23. Статья 21 Закона № 3713¹ от 12 апреля 1991 г. «О противодействии терроризму» в соответствующей части предусматривает:

«Положения Закона № 2330 “О материальной компенсации и правах на получение ежемесячной пенсии”» применяются к представителям государства, получившим ранения, инвалидность, погибшим или убитым при исполнении своих должностных обязанностей, на территории и за пределами Турецкой Республики, либо в случае, если они утратили статус [представителя государства] вследствие осуществления ими должностных обязанностей, [в результате] террористических актов...».

24. Закон № 2247 от 12 июня 1979 г. (вступивший в силу 22 июня 1979 г.) «О создании и функционировании судов по урегулированию разногласий» в соответствующей части гласит:

«Статья 10

Речь идет о конфликте юрисдикции в случае, когда вопрос о подведомственности спора выносится на рассмотрение Суда по урегулированию разногласий соответствующим генеральным прокурором после отклонения возражения о неподведомственности спора судом общей юрисдикции, административным или военным судом...

Статья 17

Позитивный конфликт юрисдикции имеет место в случае, когда по делам, в которых стороны, предмет и основание иска совпадают, поданным в два

¹ В редакции Закона № 5532 от 18 июля 2006 г. Этим законом из абзаца первого статьи 21 исключено упоминание о «государственном служащем».

разных суда (общей юрисдикции, административный или военный), каждый суд принимает решение о подведомственности данного дела именно этому суду...

Статья 24

Имеет место коллизия судебных решений, когда осуществление права становится невозможным вследствие противоречий между окончательными или вступившими в законную силу решениями, принятыми по крайней мере двумя судами из указанных в статье 1, при условии, что эти решения касаются одного и того предмета или основания иска либо хотя бы одна из сторон [по делу] совпадает...

Статья 28

Суд по урегулированию разногласий незамедлительно уведомляет о своих решениях соответствующих генеральных прокуроров, суд, подавший прошение об урегулировании конфликта юрисдикции, суд или суды, ожидающие его решения, и лиц либо органы, подавших прошение об урегулировании конфликта. Суды, а также заинтересованные лица, органы государственной власти обязаны соблюдать решения Суда по урегулированию разногласий и исполнять их без промедления.

Статья 29

Решения коллегий и пленума являются окончательными. Подлежат опубликованию в Официальной газете (Official Gazette) принципиальные решения и решения коллегий, опубликование которых является необходимым, по мнению председателя Суда по урегулированию разногласий.

Статья 30

Противоречия между решениями коллегий Суда по урегулированию разногласий урегулируются при помощи принципиальных решений, выносимых пленумом... Принципиальные решения по вопросу юрисдикции являются обязательными для Суда по урегулированию разногласий и для всех судов; принципиальные решения по существу дела, вынесенные в случае коллизии судебных решений, являются обязательными только для Суда по урегулированию разногласий».

С. Соответствующая правоприменительная и судебная практики Турецкой Республики

1. Постановления административных судов и Высшего военного административного суда

25. Помимо дела заявителей административные суды рассмотрели 17 исков, поданных на основании Закона № 3713 в административные суды Турции семьями жертв авиакатастрофы, произошедшей 16 мая 2001 г., после того, как Пенсионный фонд Турции отклонил их заявления.

Четырнадцать дел, четыре из которых касались близких родственников членов экипажа самолета, были рассмотрены административным судом г. Анкары, который вынес решения в пользу членов семей погибших. Действительно, 19 июня

2002 г. (Е.2002/87, К.2002/870), 22 января (решение Е.2002/1059, К.2003/27), 31 марта (решение Е.2003/148, К.2003/522) и 26 июня 2003 г. (решения Е.2002/100, К.2003/1073 и Е.2002/101, К.2003/1053), 19 октября 2004 г. (решения Е.2004/3051, К.2004/1535 и Е.2004/3055, К.2004/1536), 6 и 14 октября 2005 г. (решения Е.2005/1973, К.2005/1424 и Е.2005/1743, К.2005/1011), 8 и 29 марта 2006 г. (решения Е.2006/653, К.2006/594 и Е.2006/678, К.2006/551), 27 сентября 2007 г. (Е.2007/764, К.2007/1849), а также 29 и 30 января 2008 г. (Е.2008/82, К.2008/184 и Е.2007/1491, К.2008/135) административный суд г. Анкары (первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, восьмая, десятая и одиннадцатая коллегии) вынес решения, в которых он признал, что к обстоятельствам крушения самолета, затронутым в рассмотренных делах, применялся Закон № 3713.

26. В частности, 22 января 2003 г. (решение Е.2002/1059, К.2003/27), рассмотрев заявление об отмене решения Пенсионного фонда об отказе в удовлетворении требований о предоставлении прав на дополнительную пенсию, предусмотренных Законом № 3713, предъявленных родителями погибшего пилота самолета, десятая коллегия административного суда г. Анкары вынесла постановление, в котором было отмечено следующее:

«...После исследования материалов дела [представляется], что... сын истцов, который был пилотом самолета... в обязанности которого входило, с одной стороны, перевозка воинских подразделений специального назначения, направленных для участия в операции против террористической организации сепаратистов Рабочей партии Курдистана, а также вооружения и оборудования этих подразделений в зону проведения операции и, с другой стороны, возвращение воинских подразделений из зоны проведения операции в места их дислокации... погиб 16 мая 2001 г. в результате крушения управляемого им самолета при выполнении указанной задачи. После данного происшествия истцам была предоставлена ежемесячная пенсия по инвалидности военнослужащих на основании статьи 64 Закона № 5434... Полагая, что случаи смерти подпадают под регулирование Закона № 3713, истцы подали заявление о предоставлении им права на получение ежемесячной пенсии по этому основанию... Настоящий иск подан истцами вследствие отклонения их заявления органом государственной власти...»

Из вышеуказанных правовых норм и материалов дела следовало... что сын истцов погиб 16 мая 2001 г. в результате крушения самолета, использовавшегося для перевозки военнослужащих, принимавших участие в контртеррористической операции. Очевидно, что рассматриваемая задача выполнялась в целях противодействия терроризму... поэтому спорный административный акт подлежал отмене...».

27. При поступлении каждой очередной жалобы на вышеуказанные решения административного

суда г. Анкары Государственный совет Турецкой Республики поддерживал подход суда первой инстанции (решения Е.2002/4268, К.2005/333; Е.2003/1775, К.2005/5476; Е.2003/3110, К.2006/843; Е.2003/3860, К.2004/4655; Е.2003/3856, К.2004/4656; Е.2005/2298, К.2007/8147; Е.2005/1399, К.2007/6047; Е.2006/1352, К.2009/7096; Е.2006/1802, К.2009/7096; Е.2007/2275, К.2009/8317; Е.2006/9775, К.2009/7138; Е.2008/715, К.2010/3868; Е.2008/7839, К.2010/3870).

28. 28 марта 2003 г. пятая коллегия административного суда г. Анкары, сославшись на решение Суда по урегулированию разногласий от 14 мая 2001 г. (Е.2000/77, К.2001/22, см. ниже § 31), отказала в принятии заявления семьи сержанта, погибшего в ходе описанной авиакатастрофы, об отмене решения Пенсионного фонда об отказе в удовлетворении требований о предоставлении прав на получение ежемесячной пенсии на основании Закона № 3713 ввиду неподведомственности спора данному суду (решение Е.2002/1201, К.2003/346). Дело было передано на рассмотрение Высшего военного административного суда, который 13 мая 2004 г. вынес постановление об оставлении заявления без удовлетворения, признав, что погибший не являлся жертвой терроризма (решение Е.2003/14, К.2004/754). 30 сентября 2004 г. Высший военный административный суд оставил без удовлетворения апелляционную жалобу на постановление от 13 мая 2004 г. (решение Е.2004/1199, К.2004/1480).

29. 2 октября 2009 г. вдова погибшего подала от своего имени и от имени ее сына еще одно заявление в Пенсионный фонд о предоставлении ежемесячной пенсии на основании Закона № 3713. Пятая коллегия административного суда г. Анкары 11 марта 2010 г. отказала в принятии заявления вдовы об отмене решения об оставлении ее требований без удовлетворения ввиду неподведомственности спора данному суду (Е.2009/1631, К.2001/343)¹. Административный суд г. Анкары сослался в своем решении на постановление Суда по урегулированию разногласий от 11 сентября 2006 г. (Е.2006/246, К.2006/236, см. ниже § 32).

2. Постановления Суда по урегулированию разногласий

30. 22 февраля 1999 г. Суд по урегулированию разногласий рассмотрел ходатайство об урегулировании коллизии между подходами, примененными административными судами общей юрисдикции и Высшим военным административным судом, которые пришли к противоположным выводам по спору, фактические обстоятельства и правовые вопросы по которому совпадали, и вынес постанов-

ление (Е.1998/75, К.1999/4), мотивировав его следующим образом:

«Абзац первый статьи 24 Закона № 2247 “О создании и функционировании судов по урегулированию разногласий” в редакции Закона № 2592 предусматривает: “Имеет место коллизия судебных решений, когда осуществление права становится невозможным вследствие противоречий между окончательными или вступившими в законную силу решениями, принятыми по крайней мере двумя судами из указанных в статье 1, при условии, что эти решения касаются одного и того же предмета или основания иска либо хотя бы одна из сторон [по делу] совпадает”.

В силу данного положения коллизия судебных решений имеет место при условии выполнения каждого из следующих условий: (а) решения, между которыми возникла коллизия, должны быть приняты по крайней мере двумя [различными] судами (судами общей юрисдикции, административными или военными судами); (б) предмет, основание иска либо хотя бы одна из сторон должны совпадать; (с) оба решения должны быть окончательными; (д) решения должны быть вынесены по существу дела и (е) осуществление права должно стать невозможным вследствие противоречий между решениями.

По итогам исследования решений, между которыми предположительно имеет место коллизия, можно сделать вывод, что они вынесены административными судами общей юрисдикции и военным административным судом; объективно касаются идентичных предмета и основания иска, вытекающих из различных фактических обстоятельств; по делам, в которых по крайней мере одна из сторон (орган государственной власти) совпадает; что рассматриваемые решения вступили в законную силу после исчерпания такого средства правовой защиты, как апелляционное производство, а также оба решения вынесены по существу дел. Соответственно, установлено, что выполнены четыре первых условия, сформулированные в статье 24 и означающие, что имеет место коллизия судебных решений.

Что касается вопроса о том, был ли в настоящем деле задействован критерий невозможности осуществления права... применительно к ситуациям, когда лицо не может добиться осуществления права вследствие вынесения двумя различными судами противоречащих друг другу решений, статья 24 предусматривает ответ, состоящий в передаче таких решений в Суд по урегулированию разногласий...

...решение административного суда об отмене ранее вынесенного решения не затрагивает постановление Высшего военного административного суда об оставлении заявления без удовлетворения... орган государственной власти, являющийся ответчиком, на который возложено обязательство по отмене своего акта на основании решения, вынесенного административным судом в пользу Н. и F.G., не обязан исполнять это решение в отношении N.T., не принимавшего участия в производстве. В той мере, в которой производство, инициированное N.T., завершилось вынесением решения об оставлении иска без удовлетворения, нельзя признать, что заинтересованное лицо имеет право, признанное решением суда.

¹ Производство по делу не завершено.

...истца не может утверждать, что имеет право, признанное решением суда, вследствие чего ее иск подлежит оставлению без удовлетворения на основании статьи 24 Закона № 2447, поскольку не установлено условие о “невозможности исполнения судебного решения”, необходимое для того, чтобы можно было вести речь о коллизии судебных решений...».

31. 14 мая 2001 г. Суд по урегулированию разногласий вынес постановление (Е.2000/77, К.2001/22), которое в соответствующей части гласило:

«Краткая справка: заявление об отмене решения Пенсионного фонда об отказе в удовлетворении требований о предоставлении пенсии по инвалидности... поданное лицом, которое в соответствии с медицинским заключением являлось негодным к военной службе, по мнению которого его проблемы со здоровьем возникли вследствие прохождения военной службы, подлежит рассмотрению Высшим военным административным судом.

/.../

Существо дела: ...В соответствии со статьей 157 Конституции Турецкой Республики Высший военный административный суд, несмотря на то, что он учреждается гражданскими органами власти, является первой и последней инстанцией, осуществляющей судебный надзор за спорами, возникающими в результате административных решений и актов, касающихся военнослужащих и военной службы. Однако установлено, что, если разногласия касались воинской обязанности, не обязательно устанавливая, являлось ли заинтересованное лицо военнослужащим... Чтобы спор был подведомствен Высшему военному административному суду, необходимо, чтобы спорный административный акт касался “военнослужащего” и был “связан с военной службой”...

Чтобы выяснить, был ли административный акт “связан с военной службой”, и определить, какому судебному органу подведомствен спор, следует отталкиваться от предмета административного акта. Если данный акт был составлен с учетом военных традиций, принципов и практик, необходимо рассматривать его как связанный с военной службой... Выражаясь точнее, административные акты, относящиеся к военной службе, – это акты, совершенные в отношении возможностей... военнослужащего, его отношения и поведения, его военного прошлого, его прав и обязанностей как военнослужащего, цели военной службы, особенностей места прохождения военной службы. Не имеет значения то обстоятельство, что такой акт был принят гражданским органом власти, и спор, [инициированный] военнослужащим, лишенным какой-либо привилегии, должен быть рассмотрен Высшим военным административным судом.

...поскольку административный акт касается военнослужащего и связан с военной службой, рассмотрение и разрешение спора относятся к компетенции Высшего военного административного суда».

32. 11 декабря 2006 г. Суд по урегулированию разногласий вынес постановление (Е.2006/246,

К.2006/236), в котором он определил судебный орган, которому подведомственны споры о возмещении материального ущерба на основании Закона № 3713. В соответствующей части данное постановление гласило:

«Факты: Сын истцов... погиб в результате авиакатастрофы, произошедшей 16 мая 2001 г. в Малатья (Акчадаг / Гюзьюрду), когда потерпел крушение военно-транспортный самолет, в котором он летел из г. Диярбакыра в г. Анкару после операции в регионе, в котором было введено чрезвычайное положение...

По итогам разбирательства, инициированного истцами после отказа Пенсионного фонда в предоставлении им права на получение пенсии, [несмотря на то, что], по их утверждению, смерть наступила при исполнении обязанностей, относящихся к сфере действия Законов №№ 2330 и 3713, третья коллегия административного суда г. Анкары 27 июня 2002 г. вынесла постановление (Е.2001/1616, К.2002/1095) об оставлении их заявления без удовлетворения, признав, что смерть не являлась следствием террористического акта. Одиннадцатая коллегия Государственного совета Турецкой Республики рассмотрела апелляционную жалобу и 30 января 2003 г. вынесла постановление (Е.2002/3971, К.2003/495) об отмене решения нижестоящего суда, полагая, что последний должен был признать право истца на предоставление ему прав, гарантированных Законами №№ 2330 и 3713, поскольку смерть его сына была результатом террористического акта. Дело было направлено для рассмотрения в суд, [решение которого было обжаловано], но тот вынес постановление, идентичное ранее принятому. Пленум коллегий по административным делам Государственного совета Турецкой Республики отменил данное решение постановлением от 01 апреля 2004 г. (Е.2003/774, К.2004/409), поддержав постановление одиннадцатой коллегии Государственного совета Турецкой Республики...

Хотя истцы обратились в... орган государственной власти, являющийся ответчиком, за возмещением материального ущерба после того, как Государственный совет Турецкой Республики и пленум его коллегий подтвердили, что смерть их сына относилась к сфере регулирования Закона №№ 2330 и 3713, орган государственной власти оставил их обращение без ответа.

...25 июля 2005 г. истцы... обратились в административные суды общей юрисдикции с требованием об отмене решения органа государственной власти, подразумевающего отказ в удовлетворении их требований... Орган государственной власти, являющийся ответчиком, выдвинул возражение о неподведомственности спора административным судам общей юрисдикции, утверждая, что данный спор должен рассматриваться Высшим военным административным судом... Решением от 2 марта 2006 г. ... административный суд г. Анкары отклонил возражение о неподведомственности ему спора и объявил о наличии у него полномочий для рассмотрения данного дела... Орган государственной власти, являющийся ответчиком, подал прошение [об урегулировании] разногласий по вопросу подведомственности...

Генеральный прокурор при Высшем военном административном суде... полагает, что спор... относится к подведомственности Высшего военного административного суда, вследствие чего решение четвертой коллегии административного суда г. Анкары о наличии у нее полномочий для рассмотрения дела подлежит отклонению... Генеральный прокурор при Государственном совете Турецкой Республики... утверждает, что спор... относится к подведомственности административных судов общей юрисдикции...

...[в той мере, в которой] при рассмотрении вопроса о том, наступила ли смерть сына истцов, являвшегося военнослужащим, в результате террористических актов по смыслу Закона № 3713 либо в ходе или в результате исполнения обязанностей, предусмотренных Законом № 2330, либо, как в настоящем деле, ...при осуществлении судебного надзора в отношении меры, [состоявшей в отказе от предоставления прав], комиссия по вопросам предоставления денежных компенсаций приняла во внимание военные навыки военнослужащего... его поведение... его военное прошлое, его права и обязанности как военнослужащего, цель военной службы, особенности места прохождения военной службы, а также военные правила и традиции; и [в той мере, в которой] в настоящем деле выполнено условие о том, что административный акт должен быть связан с военной службой, дело, в отношении которого возникли разногласия, подведомственно Высшему военному административному суду...».

III. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

33. В некоторых европейских государствах существует лишь один верховный суд. Такое положение дел сложилось, в частности, в странах общего права, таких как Кипр, Ирландия, Соединенное Королевство, но также и в следующих странах: Албания, Азербайджан, Хорватия, Дания, Эстония, Грузия, Венгрия, Исландия, Латвия, Республика Молдова, Норвегия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия и Швейцария. В других странах (например, Германия, Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Финляндия, Франция, Италия, Литва, Люксембург, Македония, Монако, Нидерланды, Польша, Португалия, Чешская Республика, Швеция и Украина), напротив, функционируют две и более высших судебных инстанции.

34. Во многих указанных государствах законодательство не предусматривает каких-либо средств для урегулирования возможных коллизий между прецедентными решениями верховных судов, ограничиваясь возможностью урегулирования возможных споров о подведомственности. Органом, отвечающим за урегулирование таких разногласий, может быть суд или наделенная соответствующими полномочиями коллегия в составе суда (Франция, Люксембург, Болгария, Литва, Чешская Республика). В Италии законодательство

наделяет такими полномочиями Кассационный суд, в Австрии и Андорре – Конституционный суд, а в Монако – Верховный суд. В Польше отсутствует судебный орган, уполномоченный урегулировать разногласия по вопросу подведомственности. Наконец, лишь в небольшом числе государств созданы суды, в задачи которых входит урегулирование противоречий между прецедентным правом верховных судов (Германия, Украина и Греция). В Болгарии законодательством предусмотрена система урегулирования противоречий *a posteriori*¹.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

35. Заявители утверждали, что разбирательство в судах государства-ответчика было несправедливым и что возможность выражения судами различных правовых позиций по одному и тому же факту нарушает принципы равноправия и единства судебной системы. В этой связи заявители отметили, что семьи погибших в результате той же авиакатастрофы, что и их сын, предъявили требования, аналогичные требованиям заявителей, в административные суды общей юрисдикции и выиграли свои дела.

36. Заявители ссылались на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

37. Европейский Суд отмечает, что в формуляре жалобы заявители дополнительно указывали, что власти Турции не предъявили иск к производителю самолета, потерпевшего крушение. Поскольку данная жалоба не была повторена в ходе разбирательства в Большой Палате, Большая Палата поддерживает общий подход, примененный Палатой (Постановление Палаты, § 62), и считает, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать данный вопрос.

A. Постановление Палаты Суда

38. Палата признала, что в ее задачи не входило сравнение различных решений, вынесенных судами государства-ответчика, даже если эти решения были приняты по сходным на первый взгляд спорам, Европейский Суд должен уважать независимость этих судов. Приняв во внимание позицию Суда по урегулированию разногласий, который подтвердил подведомственность спора Высшему военному административному суду, Палата сочла,

¹ *A posteriori* (лат.) – на основании уже имеющихся данных (примеч. переводчика).

что заявители не могли утверждать, что им было отказано в правосудии на основании того, что их спор был рассмотрен указанным судом, или в связи с принятым этим судом решением. Палата постановила, что, учитывая обстоятельства дела, отсутствовало нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (Постановление Палаты, §§ 54–61).

В. Доводы сторон

1. Заявители

39. Заявители не сомневались в том, что административный суд г. Анкары, Государственный совет Турецкой Республики и Высший военный административный суд рассматривали аналогичные дела. Соответственно, решение Высшего военного административного суда об отказе в удовлетворении их требований, заявленных на основании Закона № 3713, представляло собой отступление от судебной практики, поскольку оно противоречило подходу, примененному административным судом г. Анкары и Государственным советом Турецкой Республики.

40. Заявители утверждали также, что Высший военный административный суд проигнорировал постановления, вынесенные по аналогичным спорам административными судами общей юрисдикции, хотя они были доведены до его сведения, и, таким образом, вынес решение в нарушение принципа равноправия, закрепленного в статье 10 Конституции Турецкой Республики. Кроме того, по мнению заявителей, применение двумя высшими судами одной и той же страны различных подходов к толкованию правовых норм не должно вести к лишению части граждан принадлежащих им прав. В этой связи заявители подчеркивали, что различие в подходах к толкованию правовых норм, применяемых административными судами общей юрисдикции и военным административным судом, необратимым образом нарушало принцип единства судебной системы.

41. Указанное противоречие в толковании правовых норм нарушало также принцип правовой определенности и общие принципы права. В этом отношении заявители оспорили выводы Палаты, которая хотя и признала достойным сожаления тот факт, что одни и те же правовые положения получают различное толкование, постановила, что данного обстоятельства недостаточно для нарушения принципа правовой определенности.

42. Наконец, заявители выразили несогласие с решением четвертой коллегии административного суда г. Анкары о неподведомственности ей настоящего дела, в то время как другие коллегии этого суда считали, что они обладали необходимыми полномочиями. В этой связи заявители жаловались, что Палата никоим образом не учла данный факт с точки зрения статьи 6 Конвенции.

2. Власти Турции

43. Власти Турции утверждали, что вследствие действия принципа независимости судов решения одного суда не являются обязательными для других судов, относящихся как к той же ветви судебной власти, что и первый суд, так и к иным ветвям судебной власти. Лишь решения верховных судов имеют обязательную силу для нижестоящих судов, относящихся к той же ветви судебной власти, что и соответствующий верховный суд. Соответственно, решения административных судов общей юрисдикции не являлись обязательными для других административных судов общей юрисдикции так же, как и трансверсально для Высшего военного административного суда.

44. Власти Турции утверждали далее, что решение четвертой коллегии административного суда г. Анкары о неподведомственности ей дела заявителей не могло считаться произвольным. По мнению властей государства-ответчика, данное решение было вынесено в соответствии с критериями, определенными в постановлении Суда по урегулированию разногласий от 14 мая 2001 г., ссылка на которое содержалась в указанном решении и в соответствии с которым для установления подведомственности спора Высшему военному административному суду была принята во внимание связь с военной службой. Кроме того, власти Турции отметили, что решение Высшего военного административного суда нельзя было признать произвольным потому, что, по их мнению, данное решение соответствовало статье 21 Закона № 3713, так как крушение самолета не было результатом террористического акта.

45. Власти Турции утверждали, что в свете правовых положений, относящихся к Суду по урегулированию разногласий, обстоятельства настоящего дела не были связаны ни с конфликтом юрисдикции, ни с коллизией судебных решений. Кроме того, по мнению властей государства-ответчика, отсутствовала неопределенность или двусмысленность в вопросе о том, какому суду было подведомственно дело заявителей, поскольку законодательство Турции по данному вопросу было ясным. Действительно, статья 157 Конституции Турецкой Республики (см. выше § 21) предусматривает, что административные споры с участием военнослужащих и военной службы рассматриваются Высшим военным административным судом, а статья 20 Закона «О Высшем военном административном суде» воспроизвела указанное положение Конституции. Подобная подведомственность споров была подтверждена постановлениями Суда по урегулированию разногласий от 14 мая 2001 г. и 11 декабря 2006 г. (см. выше §§ 31 и 32). Таким образом, право заявителей на доступ к правосудию не было ограничено в силу какой-либо двусмысленности или неопределенности.

46. Кроме того, власти Турции утверждали, что в настоящем деле отсутствовало противоречие между подходами к толкованию законодательства. Сославшись на статью 24 Закона «О Суде по урегулированию разногласий» (см. выше § 24) и на постановление Суда по урегулированию разногласий от 22 февраля 1999 г. (см. выше § 30), власти государства-ответчика подчеркивали, что урегулирование разногласий между противоречащими друг другу судебными решениями осуществлялось лишь в исключительных случаях, когда невозможно было привести в исполнение право, установленное судебным решением. Выход за пределы данного исключительного обстоятельства был бы равносителен неправомерному посягательству на независимость судов различных ветвей судебной власти, для каждой из которых предусмотрен надзорный механизм для урегулирования коллизий между судебными решениями. Власти Турции сослались в этой связи на Решение Европейского Суда по делу «Каракая против Турции» (Karakaya v. Turkey) от 25 января 2011 г., жалоба № 30100/06.

47. Власти Турции допускали, что существовали различные подходы к толкованию законодательства, применяемые судами различных ветвей судебной власти, но, по их мнению, требования заявителей были оставлены без удовлетворения компетентным судом. Власти государства-ответчика подчеркивали, что отнесение судов к различным ветвям судебной власти, предусмотренной законодательством Турции, представляло собой вопрос организации судебной системы. Соответственно, вопросы организации Высокими Договаривающимися Сторонами своей правовой системы и распределения полномочий между судами входили в пределы усмотрения государств. В этом контексте, если суд, обладающий полномочиями для рассмотрения дела, выносит решение, отличающееся от решения суда, у которого таких полномочий не имеется, было бы несправедливым, по мнению властей Турции, признавать, что решение последнего суда должно иметь приоритет.

48. Наконец, власти Турции полагали, что настоящее дело является уникальным в своем роде и отличается от других дел, касающихся противоречивого прецедентного права, которые Европейский Суд рассматривал ранее, вследствие чего к настоящему делу не мог быть применен какой-либо прецедент. Кроме того, власти государства-ответчика утверждали, что неблагоприятное судебное решение не свидетельствовало об отсутствии правовой определенности при применении законодательства.

С. Мнение Европейского Суда

1. Общие принципы

49. Европейский Суд напоминает, прежде всего, что в его задачи не входит подмена собой

внутригосударственных судов. В первую очередь органы государства-ответчика, особенно судебные, должны решать проблемы толкования законодательства своей страны (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бруалла Гомес де ла Торре против Испании» (Brualla Gómez de la Torre v. Spain) от 19 декабря 1997 г., § 31, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VIII; Постановление Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» (Waite and Kennedy v. Germany), жалоба № 26083/94, § 54, ECHR 1999-I; и Постановление Европейского Суда по делу «Саэс Маэсо против Испании» (Saez Maeso v. Spain) от 9 ноября 2004 г., жалоба № 77837/01, § 22). Роль Европейского Суда сводится к установлению того, являются ли последствия такого толкования совместимыми с положениями Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кучоглу против Болгарии» (Kuchoglu v. Bulgaria) от 10 мая 2007 г., жалоба № 48191/99, § 50; Постановление Европейского Суда по делу «Ишьяр против Болгарии» (Işyar v. Bulgaria) от 20 ноября 2008 г., жалоба № 391/03, § 48).

50. Таким образом, Европейский Суд не вправе подвергать сомнению толкование законодательства, осуществленное судами соответствующего государства, за исключением случаев явного произвола (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Адамсон против Латвии» (Ādamsons v. Latvia) от 24 июня 2008 г., жалоба № 3669/03, § 118). По данному вопросу в функции Европейского Суда в принципе не входит сравнение различных решений судов государства-ответчика, даже если они приняты по очевидно похожим делам; Европейский Суд должен уважать независимость этих судов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (Engel and Others v. Netherlands) от 8 июня 1976 г., § 103, Series A, № 22; Постановление Европейского Суда по делу «Грегориу де Андраде против Португалии» (Gregório de Andrade v. Portugal) от 14 ноября 2006 г., жалоба № 41537/02, § 36; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Адамсонс против Латвии» (Ādamsons v. Latvia), § 118).

51. Европейский Суд ранее уже признавал, что возможность появления противоречий между судебными решениями является естественной чертой, присущей каждой судебной системе, в которой функционирует ряд судов, рассматривающих дела по существу в пределах их территориальной юрисдикции. Сама по себе такая возможность не может считаться противоречащей Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сантуш Пинту против Португалии» (Santos Pinto v. Portugal) от 20 мая 2008 г., жалоба № 39005/04, § 41).

52. В Европейский Суд неоднократно поступали на рассмотрение жалобы, касавшиеся про-

тиворечий между судебными решениями (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зилински и Прадал и Гонсалес и другие против Франции» (Zielinski and Pradal and Gonzalez and Others v. France), жалобы №№ 24846/94 и 34165/96–34173/96, ECHR 1999-VII; Постановление Европейского Суда по делу «Педурару против Румынии» (Păduraru v. Romania), жалоба № 63252/00, ECHR 2005-XII (извлечения); Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania (№ 1)), жалоба № 30658/05, ECHR 2007-XIII (извлечения); и Постановление Европейского Суда по делу «Иордан Иорданов и другие против Болгарии» (Jordan Jordanov and Others v. Bulgaria) от 2 июля 2009 г., жалоба № 23530/02). Соответственно, у Европейского Суда имелась возможность высказаться по вопросу о том, при каких условиях противоречия в судебной практике высших судебных органов государства-ответчика посягали на право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Перес Ариас против Испании» (Perez Arias v. Spain) от 28 июня 2007 г., жалоба № 32978/03, § 25; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania (№ 1)), §§ 34–40; Постановление Европейского Суда по делу «Штефан и Штеф против Румынии» (Ştefan and Ştef v. Romania) от 27 января 2009 г., жалобы №№ 24428/03 и 26977/03, §§ 33–36; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Иордан Иорданов и другие против Болгарии» (Jordan Jordanov and Others v. Bulgaria), §§ 48–49; Решение Европейского Суда по делу «Шварцкопф и Тауссик против Чешской Республики» (Schwarzkopf and Taussik v. Czech Republic) от 2 декабря 2008 г., жалоба № 42162/02).

53. При вынесении вышеуказанных решений Европейский Суд разъяснил критерии, которыми он руководствовался: следует устанавливать, существовали ли «глубокие и продолжительные противоречия» в прецедентном праве верховного судебного органа; предусматривает ли законодательство государства-ответчика механизм преодоления этих противоречий; был ли применен этот механизм, и если да, то каковы были последствия его применения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Иордан Иорданов и другие против Болгарии» (Jordan Jordanov and Others v. Bulgaria), §§ 49–50).

54. Кроме того, Европейский Суд рассмотрел жалобу на противоречия между судебными решениями, вынесенными одним и тем же апелляционным судом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тудор Тудор против Румынии» (Tudor Tudor v. Romania) от 24 марта 2009 г., жалоба № 21911/03) или разными районными судами

(см. Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (Ştefănică and Others v. Romania) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 38155/02), когда такие суды принимают решения в последней инстанции. Европейский Суд признал, что право на справедливое разбирательство нарушается не только ввиду «глубокого и продолжительного» характера рассматриваемых противоречий, но и вследствие правовой неопределенности, являющейся результатом непоследовательности практики этих судов и отсутствия механизмов, позволяющих преодолеть противоречия в прецедентном праве (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тудор Тудор против Румынии» (Tudor Tudor v. Romania), §§ 30–32; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (Ştefănică and Others v. Romania), §§ 37–38).

55. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что он неоднократно подчеркивал важность создания механизмов для обеспечения последовательности судебной практики внутригосударственных судов и единообразия прецедентного права (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Шварцкопф и Тауссик против Чешской Республики» (Schwarzkopf and Taussik v. Czech Republic)). Кроме того, Европейский Суд указывал, что Договаривающиеся Стороны обязаны организовывать свои судебные системы таким образом, чтобы избегать вынесения противоречащих друг другу судебных решений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вриони и другие против Албании» (Vrioni and Others v. Albania) от 24 марта 2009 г., жалоба № 2141/03, § 58; Постановление Европейского Суда по делу «Муллаи и другие против Албании» (Mullai and Others v. Albania) от 23 марта 2010 г., жалоба № 9074/07, § 86; Постановление Европейского Суда по делу «Брезовец против Хорватии» (Brezovec v. Croatia) от 29 марта 2011 г., жалоба № 13488/07, § 66).

56. Европейский Суд всегда оценивал обстоятельства дела, представленные на его рассмотрение, на основании принципа правовой определенности, который подразумевается во всех статьях Конвенции, представляя собой один из основных элементов правового государства (см., среди иных прецедентов, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania (№ 1)), § 39; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Иордан Иорданов и другие против Болгарии» (Jordan Jordanov and Others v. Bulgaria), § 47; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (Ştefănică and Others v. Romania), § 32). Действительно, неопределенность – правовая, административная или вытекающая из правоприменительной практики органов государствен-

ной власти – является фактором, который следует принимать во внимание при оценке поведения государства (упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Педурару против Румынии» (Păduraru v. Romania), § 92; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania (№ 1)), § 33; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (Ştefănică and Others v. Romania), § 32).

57. В этой связи Европейский Суд напоминает также, что право на справедливое судебное разбирательство должно толковаться в свете Преамбулы к Конвенции, которая провозглашает верховенство права как составляющую общего наследия Договаривающихся Сторон. В то же время одной из основных составляющих верховенства права является принцип правовой определенности (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумэреску против Румынии» (Brumărescu v. Romania), жалоба № 28342/95, § 61, ECHR 1999-VII), который, в частности, гарантирует участникам судопроизводства определенную стабильность правовых отношений и способствует доверию общества к судебной системе (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (Ştefănică and Others v. Romania), § 38). Действительно, любое сохраняющееся противоречие в судебной практике может привести к такому состоянию правовой неопределенности, что доверие общества к судебной системе уменьшится, в то время как это доверие является одной из основных составляющих правового государства (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Педурару против Румынии» (Păduraru v. Romania), § 98; Постановление Европейского Суда по делу «Винчич и другие против Сербии» (Vinčić and Others v. Serbia) от 1 декабря 2009 г., жалобы № 44698/06 и другие, § 56; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (Ştefănică and Others v. Romania), § 38).

58. Тем не менее Европейский Суд уточняет, что требования правовой определенности и защиты доверия участников судопроизводства к судам не закрепляют приобретенное право на последовательность прецедентного права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация “ЮНЕДИК” против Франции» (Unédic v. France) от 18 декабря 2008 г., жалоба № 20153/04, § 74). Развитие прецедентного права само по себе не противоречит надлежащему отправлению правосудия в той мере, в которой отсутствие динамичного и эволюционного подхода к развитию прецедентного права может помешать его изменению или улучшению (см. Постановление Европейского Суда по делу «Атанасовский против Македонии» (Atanasovski

v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia) от 14 января 2010 г., жалоба № 36815/03, § 38).

2. Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

(a) Предварительные замечания

59. Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что настоящее дело отличается от дел, которые он имел возможность рассмотреть ранее, тем, что оно касается не противоречий, которые могут существовать в судебной практике судов последней инстанции, принадлежащих к одной ветви судебной власти, а несогласованности в судебных решениях, принятых двумя видами судов, не имеющих какой-либо иерархической связи между ними, отличающихся и независимых друг от друга.

60. Соответственно, Европейский Суд считает, что критерии и принципы, выработанные в вышеупомянутом прецедентном праве, будучи сформулированными в контексте, значительно отличающемся от настоящего дела, не могут быть распространены в неизменном виде на настоящее дело, поскольку оно, хотя и касается жалобы, подобные которой ранее рассматривались Европейским Судом, поднимает новый вопрос права. Однако Европейский Суд может руководствоваться ими при оценке обстоятельстве дела. В первую очередь Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, были ли в настоящем деле вынесены противоречащие друг другу судебные решения, далее в случае утвердительного ответа он определит в свете конкретных обстоятельств дела, составляли ли подобные расхождения в судебной практике нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(b) Существование противоречий в прецедентном праве

61. Европейский Суд напоминает, что различное разрешение двух споров не может считаться противоречием в прецедентном праве, если оно было оправдано различием в фактических обстоятельствах дела (см. Решение Европейского Суда по делу «Эрол Учар против Турции» (Erol Uçar v. Turkey) от 29 сентября 2009 г., жалоба № 12960/05). Из материалов настоящего дела следует, что различие, обжалованное заявителями, вытекает не из фактических обстоятельств, которые были рассмотрены разными судами государства-ответчика и совпадали, а из применения норм материального права и факта разрешения спора судом.

62. В этом отношении Европейский Суд подчеркивает, что стороны представили несколько решений, вынесенных судами государства-ответчика и касавшихся семей военнослужащих, погибших в результате той же авиакатастрофы, что и сын заявителей. Изучив эти решения, Европейский Суд

отмечает, что указанные военнослужащие могут быть разделены на две группы: военнослужащие подразделений, принимавших участие в борьбе с терроризмом, и члены экипажа самолета (см. выше §§ 17, 25 и 26).

63. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что различные споры, переданные на рассмотрение административных судов общей юрисдикции, на которые ссылаются заявители в поддержку своего утверждения, касались требований, предъявленных семьями погибших в ходе этого происшествия, с целью отмены решений Пенсионного фонда Турции об отказе в предоставлении им права на получение пенсии на основании Закона № 3713.

64. Наконец, Европейский Суд отмечает на основании материалов дела, что 14 исковых заявлений, инициированных семьями погибших, были рассмотрены по существу административными судами общей юрисдикции, которые установили причинно-следственную связь между происшествием и противодействием терроризму, являющуюся условием *sine qua non*¹ для предоставления прав, предусмотренных статьей 21 Закона № 3713, при этом суды не проводили различия между погибшими военнослужащими по характеру должностных обязанностей (см. выше §§ 25–26).

65. Таким образом, административные суды общей юрисдикции вынесли решение в пользу истцов, дав условиям применения Закона № 3713 иное толкование, нежели Высший военный административный суд, который по делу заявителей сделал вывод об отсутствии причинно-следственной связи и оставил иск заявителей об отмене решения Пенсионного фонда без удовлетворения (см. выше § 16).

66. Данное различие в толковании привело к различию в юридической квалификации по сути идентичных споров двумя видами судов. Таким образом, административные суды общей юрисдикции (административный суд г. Анкары и Государственный совет Турецкой Республики) и Высший военный административный суд вынесли диаметрально противоположные решения. Кроме того, власти Турции признали факт существования двух различных толкований (см. выше § 47). Следует отметить, что в решении Высшего военного административного суда по делу заявителей не упоминается о различиях, которые позволяли бы отличить их дело от дел, рассмотренных административными судами общей юрисдикции (см. выше § 16).

67. Соответственно, очевидно, что на рассмотрении Европейского Суда находится довольно редкое дело, в котором обстоятельства и последствия одного и того же инцидента – крушения самолета – по-разному истолкованы судами госу-

дарства-ответчика. Исходя из этого Европейский Суд напоминает, что простое установление противоречий в прецедентном праве само по себе не может служить достаточным основанием для вывода о нарушении требований статьи 6 Конвенции. Европейскому Суду также следовало оценить данное расхождение в позициях судов с точки зрения его последствий по отношению к принципам справедливого судебного разбирательства и, в частности, правовой определенности.

(с) Составляли ли различия в прецедентном праве нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

68. Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле вопрос о различиях в прецедентном праве, учитывая обстоятельства дела, вытекает из самой структуры судебной системы Турции, в которой сосуществуют административные суды общей юрисдикции и военный административный суд специальной юрисдикции (см. выше §§ 20–21 и 45). Тем не менее Европейский Суд подчеркивает, что это лишь один пример разнообразия правовых систем, существующих в Европе, и в его задачи не входит унификация этих систем (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Такске против Бельгии» (*Taxquet v. Belgium*) от 16 ноября 2010 г., жалоба № 926/05, § 83).

69. Европейский Суд напоминает также, что в делах, вытекающих из индивидуальных жалоб, в задачи Европейского Суда не входит осуществление абстрактного контроля в отношении оспариваемого законодательства или правоприменительной практики; он должен насколько это возможно ограничиться, не теряя из виду общий контекст, рассмотрением вопросов, затронутых конкретным рассматриваемым делом (см. среди иных прецедентов Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (*N.C. v. Italy*), жалоба № 24952/94, § 56, ECHR 2002-X; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Такске против Бельгии» (*Taxquet v. Belgium*), § 83).

70. В настоящем деле задачей Европейского Суда является не надзор *in abstracto*² за соответствием Конвенции судебной системы Турции, для которой характерен дуализм административных судов, а лишь оценка *in concreto*³ последствий противоречий в прецедентном праве для осуществления права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., например, *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Падовани против

¹ *Conditio sine qua non* (лат.) – необходимое условие, в отсутствие которого результат не наступил бы (примеч. переводчика).

² *In abstracto* (лат.) – отвлеченно; вообще (примеч. переводчика).

³ *In concreto* (лат.) – в действительности, в определенном случае, фактически (примеч. переводчика).

Италии» (*Padovani v. Italy*) от 26 февраля 1993 г., § 24, Series A, № 257-B).

71. В этом отношении Европейский Суд обращает внимание, что противоречивость правовых решений по вопросу толкования статьи 21 Закона № 3713 является следствием одновременного привлечения административных судов общей юрисдикции и Высшего военного административного суда к рассмотрению по сути идентичных споров (см. выше §§ 62–66). Подобная ситуация влечет за собой спор о подведомственности между двумя видами судов, которые были призваны высказать свое мнение, параллельно по одному и тому же правовому вопросу.

72. Соответственно, Европейский Суд соглашается с мнением Палаты о том, что причиной вынесения противоречащих друг другу решений, на которое жаловались заявители, являлось несоблюдение этими судами установленных для них пределов подведомственности (см. Постановление Палаты, § 57).

73. Исходя из этого и учитывая довод властей Турции о том, что настоящее дело было однозначно подведомственно Высшему военному административному суду (см. выше § 45), Европейский Суд отмечает, что Суд по урегулированию разногласий, который был создан, *inter alia*, для того, чтобы разрешать конфликты юрисдикции, которые могут возникнуть между судами общей юрисдикции, административными и военными судами (см. выше §§ 22 и 24), имел возможность рассмотреть вопрос о разграничении подведомственности между административными судами общей юрисдикции и Высшим военным административным судом.

74. Так, Суд по урегулированию разногласий подтвердил, что Высшему военному административному суду подведомственны споры о правах на получение пенсий и пособий военнослужащих (см. выше §§ 31–32). Кроме того, четвертая коллегия административного суда г. Анкары, сославшись на постановление Суда по урегулированию разногласий от 14 мая 2001 г. (см. выше § 31), признала, что она не имела полномочий для рассмотрения искового заявления, поданного заявителями, и указала, что данный спор был подведомственен Высшему военному административному суду (см. выше § 14).

75. В этой связи Палата постановила, что привлечение Суда по урегулированию разногласий позволило устранить расхождение в позиции административных судов общей юрисдикции и военного административного суда по вопросу подведомственности, прекратив в принципе вмешательство административных судов общей юрисдикции в сферу юрисдикции военного административного суда (см. Постановление Палаты, §§ 57–58).

76. Большая Палата, тем не менее, не согласна с этими выводами. Принимая во внимание доказательства, представленные сторонами, Европейский

Суд считает, что, несмотря на вмешательство Суда по урегулированию разногласий и подтверждение последним подведомственности данной категории споров Высшему военному административному суду, административные суды общей юрисдикции продолжили принимать заявления, идентичные иску заявителей, к рассмотрению и выносить решения по существу (см. выше §§ 25–27).

77. В соответствии с пояснениями, которые в ходе публичного слушания дела в Большой Палате представили по этому вопросу власти Турции, «принципиальные» постановления Суда по урегулированию разногласий по спорам о подведомственности обязательны для исполнения, а прочие его постановления имеют ценность и авторитетность прецедентов, которыми должны руководствоваться суды государства-ответчика при рассмотрении соответствующих дел, при этом постановление является «принципиальным», когда об этом прямо указано в самом постановлении.

78. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что постановления суда по урегулированию споров, на которые сослались власти Турции (см. выше §§ 44–45), подтверждая юрисдикцию Высшего военного административного суда, не были принципиальными решениями, и, кроме того, им не хватило силы убеждения для того, чтобы ими начали руководствоваться все административные суды общей юрисдикции; последние продолжили рассматривать и удовлетворять требования, аналогичные требованиям заявителей (см. выше §§ 25–27).

79. В то же время независимо от веса, который административные суды общей юрисдикции решили придать указанным постановлениям Суда по урегулированию разногласий, Европейский Суд подчеркивает, что в любом случае функция Суда по урегулированию разногласий состоит не в том, чтобы разрешать конфликты в прецедентном праве. Хотя данный орган наделен полномочиями для урегулирования коллизий между судебными решениями, вынесенными различными судами, он может осуществлять эти полномочия лишь в исключительном случае, когда постановления настолько несовместимы между собой, что их исполнение приведет к лишению заинтересованной стороны права на судебное разбирательство (см. выше §§ 24 и 30). В настоящем деле такой ситуации не было. В этом отношении вмешательство Суда по урегулированию разногласий не повлияло на жалобу, которую заявители предъявили в Европейский Суд.

80. Европейский Суд напоминает, что ранее он уже указывал на то, что установленные противоречия в прецедентном праве, как правило, следуют урегулировать путем закрепления толкования, которое должно применяться, и унификации прецедентного права при помощи институтов, наделенных соответствующими полномочиями (см. среди многих других прецедентов упомянутое

выше Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania (№ 1)), §§ 37 и 39). Однако следует уточнить, что данные принципы были сформулированы применительно к делам, в которых различия в толковании правовых положений, рассматриваемые Европейским Судом, возникли в рамках одной ветви судебной системы в связи с правовыми положениями, в отношении которых верховный суд мог реализовать свои полномочия по унификации прецедентного права (см. выше § 59, а также см. среди других прецедентов упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania (№ 1)), § 37; упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Шварцкопф и Тауссик против Чешской Республики» (Schwarzkopf and Taussik v. Czech Republic)).

81. В то время как подобная позиция применяется, когда противоречащие друг другу судебные решения были вынесены в рамках одной иерархии судебной системы, она не может быть распространена на настоящее дело. Европейский Суд полагает, что в правовом контексте государства-ответчика, для которого характерно, как в настоящем деле, существование нескольких верховных судов, между которыми отсутствует общая иерархическая связь, он не может требовать применения механизма вертикального надзора за подходом, который эти суды решили избрать. Установление подобного требования выходило бы за пределы требований о справедливом судебном разбирательстве, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

82. Далее Европейский Суд подчеркивает, что отсутствие общего регуляторного органа для верховных судов (в настоящем деле для Государственного совета и Высшего военного административного суда), которые могли бы закрепить толкование, которое должно применяться этими судами, не является особенностью правовой системы Турции. Во многих европейских государствах, для судебной системы которых характерно существование двух и более верховных судов, такой орган отсутствует (см. выше § 34). Однако такое отсутствие регуляторного органа само по себе не может рассматриваться как нарушение Конвенции.

83. По мнению Европейского Суда, следует допустить, что в судебной системе вроде турецкой, в которой организовано несколько ветвей судебной власти и в которой сосуществуют несколько верховных судов, обязанных осуществлять толкование законодательства одновременно и параллельно друг другу, для формирования консенсуса между судами может потребоваться некоторое время: соответственно, периоды, когда имеются противоречия в прецедентном праве, могут допускаться, не подрывая при этом принцип правовой определенности.

84. Поскольку прецедентное право не является неизменным, а, напротив, по сути эволюционирует, Европейский Суд считает, что принцип надлежащего отправления правосудия не может пониматься как устанавливающий строгое требование о последовательности прецедентного права (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация “ЮНЕДИК” против Франции» (Unédic v. France), § 73; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Атанасовский против Македонии» (Atanasovski v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia), § 38). Однако Европейский Суд обязан обеспечивать соблюдение данного принципа, когда, по его мнению, справедливость судебного разбирательства или верховенство права требуют от Европейского Суда вмешательства для прекращения неопределенности, порожденной противоречащими друг другу судебными решениями, вынесенными разными судами по одному и тому же вопросу. Правовая определенность, к которой в этом случае стремится Европейский Суд, должна всё же достигаться при должном уважении самостоятельности и независимости судов государства-ответчика при принятии решений, в соответствии с принципом субсидиарности, который лежит в основе конвенционной системы.

85. В этой связи Европейский Суд повторяет, что осуществление толкования свойственно для работы судей. Как бы однозначно ни было сформулировано правовое положение, неизбежным является осуществление судьей толкования (см. среди иных прецедентов Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Башкайя и Окчуоглу против Турции» (Başkaya and Okçuoğlu v. Turkey), жалобы №№ 23536/94 и 24408/94, § 39, ECHR 1999-IV). Определение нормы законодательства, подлежащей применению, а также условия ее применения являются фактически частью процесса индивидуализации права.

86. Соответственно, два суда, каждый из которых наделен своим кругом полномочий, рассмотрев разные дела, вполне могут вынести противоречащие друг другу, но рациональные и мотивированные решения по одному правовому вопросу, вытекающему из схожих фактических обстоятельств. Следует допустить, что противоречия в подходах, примененных этими судами, являются лишь неизбежным следствием этого процесса толкования правовых положений и их адаптации к фактическим ситуациям, которые они должны регулировать.

87. Такие противоречия могут допускаться, если правовая система государства-ответчика способна устранить их. В настоящем деле Европейский Суд считает, что соответствующие верховные суды (Государственный совет и Высший военный административный суд) имеют возможность самостоятельно урегулировать противоречия либо путем

применения единого подхода, либо путем соблюдения установленных для них пределов подведомственности и воздержания каждого из них от вмешательства в одну и ту же область права.

88. Европейский Суд хотел бы подчеркнуть, что, поскольку в задачи Европейского Суда не входят выполнение функций суда третьей или четвертой инстанции и осуществление надзора за подходами, избираемыми судами государства-ответчика при толковании правовых положений, и противоречиями в прецедентном праве, которые могут при этом возникнуть, не является его задачей и вмешательство по единственному основанию существования противоречия в прецедентном праве.

89. По мнению Европейского Суда, при отсутствии доказательств произвола оценка существования и влияния противоречащих друг другу судебных решений не означает оценку адекватности подхода, избранного судами государства-ответчика (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Винчич и другие против Сербии» (*Vinčić and Others v. Serbia*), § 56; Решение Европейского Суда по делу «Ышк против Турции» (*Işık v. Turkey*) от 16 июня 2009 г., жалоба № 35224/05; Постановление Европейского Суда по делу «Иванов и Димитров против Македонии» (*Ivanov and Dimitrov v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 21 октября 2010 г., жалоба № 46881/06, § 32). Как указывал Европейский Суд (см. выше § 50), осуществляемый им надзор за соблюдением пункта 1 статьи 6 Конвенции ограничивается рассмотрением дел, в которых оспариваемое решение является явно произвольным.

90. Таким образом, учитывая обстоятельства дела, даже несмотря на то, что толкование статьи 21 Закона № 3713 Высшим военным административным судом было неблагоприятным для заявителей, данное толкование, сколь несправедливым бы оно ни казалось заявителям по сравнению с подходом, примененным административными судами общей юрисдикции, само по себе не составляет нарушение статьи 6 Конвенции.

91. Также следует отметить – в свете вывода Суда по урегулированию разногласий (см. выше §§ 31–32) о том, что данный вид споров был подведомственен Высшему военному административному суду, – что при обстоятельствах настоящего дела решение четвертой коллегии административного суда г. Анкары о неподведомственности ей дела заявителей ни в коей мере не являлось произвольным.

92. Кроме того, заявители не могли утверждать, что им было отказано в правосудии в связи с тем, что их спор был рассмотрен Высшим военным административным судом, либо в связи с вынесенным решением. Решение, принятое Высшим военным административным судом по делу заявителей, вписывается в пределы полномочий, предоставленных этому судебному органу, и само по

себе не содержит признаков нарушения прав и свобод, которые могли бы оправдать вмешательство Европейского Суда в настоящее дело.

93. В этом отношении следует подчеркнуть, что судебные решения, вынесенные по требованиям заявителей, были надлежащим образом мотивированы с точки зрения фактов и права (см. выше §§ 16 и 19), и нельзя признать толкование Высшим военным административным судом фактов, переданных ему на рассмотрение, произвольным, неразумным или способным затронуть справедливость судебного разбирательства; такое толкование представляет собой лишь отдельный случай применения законодательства государства-ответчика.

94. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд повторяет, что он должен избегать любого неоправданного вмешательства в осуществление государствами своих судебных функций либо в организацию их судебных систем. Европейский Суд подчеркивает, что ответственность за последовательность своей судебной практики несут в первую очередь суды государства-ответчика, а вмешательство Европейского Суда в данной сфере допускается лишь в исключительных случаях.

95. В настоящем деле Европейский Суд считает, что обстоятельства настоящего дела не требуют вмешательства Европейского Суда, и в данном контексте задачей Европейского Суда не является разрешение противоречия в прецедентном праве в свете пункта 1 статьи 6 Конвенции. В любом случае подача индивидуальной жалобы в Европейский Суд не может использоваться как инструмент для урегулирования или устранения противоречий в прецедентном праве, которые могут возникнуть в праве Договаривающейся Стороны, либо как надзорный механизм для исправления несогласованности между решениями различных судов Договаривающейся Стороны.

96. Следовательно, Европейский Суд делает вывод об отсутствии нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

На основании изложенного Суд:

постановил десятью голосами «за» при семи – «против», что нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции отсутствовало.

Совершено на английском и французском языках и оглашено 20 октября 2011 г. на публичном слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге.

Майкл О'БОЙЛ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты
Европейского Суда

Николас БРАТЦА
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к Постановлению приобщается особое мнение судей Николаса Братцы, Жозепа Касадеваля, Нины Вайич, Дина Шпильманна, Христоса Розакиса, Анатолия Ковлера и Лиляны Мийович.

N.B.
M.O.V.

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
Н. БРАТЦЫ, Ж. КАСАДЕВАЛЯ, Н. ВАЙИЧ,
Д. ШПИЛЬМАННА, Х. РОЗАКИСА,
А. КОВЛЕРА И Л. МИЙОВИЧ**

1. В отличие от большинства судей Большой Палаты мы считаем, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 6 Конвенции.

2. Чтобы расставить вещи по своим местам, мы хотели бы вначале прояснить, что в основе настоящего дела лежит ни то обстоятельство, что Высший военный административный суд истолковал статью 21 Закона № 3713 неблагоприятным для заявителей образом; ни тот факт, что решение о неподведомственности ей спора, вынесенной четвертой коллегией административного суда г. Анкары, не было произвольным, ни то обстоятельство, что судебные решения, вынесенные по требованиям заявителей, были надлежащим образом мотивированы с точки зрения фактов и права (§§ 90–93 Постановления). На наш взгляд, данное дело не касается также, как это можно предположить из Постановления, «...осуществления государствами своих судебных функций либо... организации их судебных систем» (§ 94). Оно касается, по нашему мнению, «явного сбоя в функционировании» судебной системы Турции, приведшего к нарушению статьи 6 Конвенции.

3. Действительно, отсутствие эффективно-го механизма унификации прецедентного права повлекло за собой и, что хуже, закрепило противоречия в судебной практике административных судов общей юрисдикции и военного административного суда, что в настоящем деле привело к результатам, создающим впечатление о «произволе». К этому добавляется то, что внутри системы административных судов продолжают существовать противоречия в прецедентном праве.

4. Мы не можем вновь не подчеркнуть, что, как указано в параграфе 57 Постановления, право на справедливое судебное разбирательство должно толковаться в свете Преамбулы к Конвенции, которая провозглашает верховенство права как составляющую общего наследия Договаривающихся Сторон. В то же время одной из основных составляющих верховенства права является принцип правовой определенности (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумăреску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*), жало-

ба № 28342/95, § 61, ECHR 1999-VII), который, *inter alia*, гарантирует участникам судопроизводства определенную стабильность правовых отношений и способствует доверию общества к судебной системе (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (*Ştefănică and Others v. Romania*) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 38155/02, § 38). Действительно, любое сохраняющееся противоречие в судебной практике может привести к такому состоянию правовой неопределенности, что доверие общества к судебной системе уменьшится, в то время как это доверие является одной из основных составляющих правового государства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Педурару против Румынии» (*Păduraru v. Romania*), жалоба № 63252/00, ECHR 2005-XII (извлечения), § 98; Постановление Европейского Суда по делу «Винчич и другие против Сербии» (*Vinčić and Others v. Serbia*) от 1 декабря 2009 г., жалобы № 44698/06 и другие, § 56; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Штефэницэ и другие против Румынии» (*Ştefănică and Others v. Romania*), § 38).

5. Действительно принцип независимости судов, на который ссылались власти Турции (§ 43 Постановления), и вытекающая из него самостоятельность судов при принятии решений могут объяснить, почему одни и те же тексты могут быть по-разному истолкованы на разных уровнях судебной системы. Тем не менее мы считаем, что такое толкование не должно иметь своим следствием создание ситуации правовой неопределенности для участников судопроизводства, когда исход дела зависит от механизма, который не способен обеспечить последовательность судебной практики. Способность правовой системы поддерживать стабильность в правоотношениях и последовательность судебного толкования имеют решающее значение для сохранения доверия участников судопроизводства к отправлению правосудия.

6. В настоящем деле заявители сначала столкнулись с явной непоследовательностью в рамках одной ветви судебной власти. В этой связи следует напомнить, что заявители оспорили решение четвертой коллегии административного суда г. Анкары, которая признала, что дело заявителей было ей неподведомственно, в то время как другие коллегии этого суда признали, что они имели полномочия для рассмотрения идентичных дел (§ 42 Постановления). В пределах одного административного суда самостоятельность многочисленных судебных коллегий и передача дел для рассмотрения в различные коллегии привели к непоследовательности судебной практики в виде двух противоречащих друг другу толкований, касающихся полномочий этого суда.

7. Три раза, в том числе один раз по делу заявителей, четвертая и пятая коллегии администра-

тивного суда г. Анкары признавали, что им были неподведомственны споры, касающиеся прав, регулируемых статьей 21 Закона № 3713 (§§ 14, 28 и 29 Постановления), считая, что подобные дела должны рассматриваться Высшим военным административным судом. Другие коллегии этого суда не стали применять такой подход: они согласились принять к рассмотрению 14 дел, идентичных делу заявителей, по заявлениям семей других военнослужащих, погибших в результате той же авиакатастрофы, и вынесли решения в их пользу (§§ 25–27 Постановления). Это основной аспект дела. Несомненно, на прецедентное право, в контексте которого рассматривалась апелляционная жалоба заявителей, повлиял непоследовательный подход различных коллегий административного суда г. Анкары по вопросу определения полномочий данного суда по спорам о правах на получение пенсии военнослужащих.

8. На наш взгляд, подобный непоследовательный подход к полномочиям судов по рассмотрению, по сути, идентичных правовых вопросов, вытекающих из абсолютно идентичного события (в настоящем деле – крушения самолета, приведшего к многочисленным жертвам), представляет собой фундаментальную проблему с точки зрения статьи 6 Конвенции.

9. Следует напомнить, что вопрос о полномочиях имел решающее значение для рассмотрения спора, учитывая, что в большинстве вынесенных решений административные суды общей юрисдикции признали существование причинно-следственной связи между авиакатастрофой и противодействием терроризму, вследствие чего весьма вероятно, что, если бы их иск не был направлен для рассмотрения в Высший военный административный суд, требования заявителей, так же как и требования членов семей некоторых других лиц, погибших в результате крушения самолета, были бы удовлетворены. Толкование Высшим военным административным судом обстоятельств авиакатастрофы, произошедшей 16 мая 2001 г., привело к различию в обращении по отношению к заявителям в сравнении с другими участниками судопроизводства, которые подали требования, аналогичные требованиям заявителей. Несмотря на то, что заявители проинформировали Высший военный административный суд о позиции административных судов общей юрисдикции по аналогичным спорам (§§ 15 и 18 Постановления), суд полностью проигнорировал эту позицию, без объяснения своих мотивов и без учета возможного риска непоследовательности, даже имеющей синхронный характер. Кроме того, Высший военный административный суд не пояснил, какие фактические обстоятельства отличали настоящее дело от дел, приведенных заявителями в поддержку своих требований (§§ 16 и 66 Постановления). Как следствие, одна и та же фактическая ситу-

ация и одни и те же правовые положения были по-разному истолкованы судами двух ветвей судебной власти.

10. Действительно, Суд по урегулированию разногласий, который был создан, *inter alia*, для того, чтобы разрешать конфликты юрисдикции, которые могут возникнуть между судами общей юрисдикции, административными и военными судами (§§ 22 и 24 Постановления), имел возможность рассмотреть вопрос о разграничении подведомственности между административными судами общей юрисдикции и Высшим военным административным судом и установить критерии определения подведомственности споров Высшему военному административному суду (§§ 31–32 Постановления). Кроме того, Суд по урегулированию разногласий подтвердил, что Высшему военному административному суду подведомственны споры о правах на получение пенсий и пособий военнослужащих (§ 31 Постановления). Кроме того, четвертая коллегия административного суда г. Анкары, сославшись на постановление Суда по урегулированию разногласий от 14 мая 2001 г., признала, что она не имела полномочий для рассмотрения искового заявления, поданного заявителями, и указала, что данный спор был подведомственен Высшему военному административному суду (§ 14 Постановления).

11. Но разрешение Судом по урегулированию разногласий конфликта между двумя судами было теоретическим и иллюзорным.

12. Несмотря на вмешательство Суда по урегулированию разногласий и его решение о том, что данная категория споров была подведомственна Высшему военному административному суду, административные суды общей юрисдикции продолжали принимать к рассмотрению дела, схожие с делом заявителей, и выносить решения по существу (§ 25–27 Постановления). В данном контексте пояснения властей Турции, представленные в ходе устного слушания в Большой Палате, указывали, в частности, на неэффективность процедуры урегулирования разногласий; они опирались на тонкое различие между «принципиальными» постановлениями и другими судебными решениями. «Принципиальные» постановления Суда по урегулированию разногласий по спорам о подведомственности обязательны для исполнения, а прочие его постановления имеют ценность и авторитетность прецедентов, которыми должны руководствоваться суды государства-ответчика при рассмотрении соответствующих дел. Также нам сказали, что постановление является «принципиальным», когда об этом прямо указано в самом постановлении, а постановления Суда по урегулированию разногласий о подтверждении подведомственности споров Высшему военному административному суду (§ 44–45 Постановления) не попадали в эту престижную категорию.

13. Таким образом, Суд по урегулированию разногласий в качестве механизма урегулирования противоречий оказался недостаточным ни для предупреждения, ни для окончательного устранения правовой неопределенности, являющейся следствием непоследовательного толкования административными судами общей юрисдикции вопроса о подведомственности им споров, касающихся прав на получение пенсии, предусмотренных Законом № 3713 (§§ 28–29 и 76–77 Постановления). Постановлениям Суда по урегулированию разногласий, на которые ссылались власти Турции, очевидно, не хватило силы убеждения для того, чтобы ими начали руководствоваться все административные суды общей юрисдикции (§§ 25–27 Постановления). Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на вмешательство Суда по урегулированию разногласий, неопределенность по поводу распределения полномочий между административными судами общей юрисдикции и военным административным судом, судя по всему, сохраняется. Отсутствие решения о подведомственности, обязательного для учета всеми судами, может способствовать лишь дальнейшему сохранению противоречий в прецедентном праве и правовой неопределенности.

14. Что касается конкретно непоследовательности по вопросу, относящемуся к существу дела, противоречивость правовых решений по вопросу толкования статьи 21 Закона № 3713 является следствием одновременного привлечения административных судов общей юрисдикции и Высшего военного административного суда к рассмотрению по сути идентичных споров (§§ 62–66 Постановления). Конфликт юрисдикции между этими двумя видами судов, которые были призваны высказать свое мнение, параллельно, по одному и тому же правовому вопросу и применить один и тот же нормативный правовой акт к анало-

гичным ситуациям, породил правовую неопределенность, которую правовая система государства-ответчика была неспособна устранить.

15. Следовательно, мы считаем, что нарушение права на справедливое судебное разбирательство было следствием сбоя в функционировании механизмов, предусмотренных для решения проблемы существования противоречий в прецедентном праве, усугубленного непоследовательностью судебной практики по спорам, в основе которых лежат идентичные фактические обстоятельства. В настоящем деле к противоречиям в оценке круга своих полномочий различными коллегиями административного суда г. Анкары добавилось отличающееся от позиции административных судов общей юрисдикции толкование Высшим военным административным судом условий применения статьи 21 Закона № 3713.

16. В то время как в правовых системах Договаривающихся Государств могут существовать разнообразные судебные структуры, эти структуры не должны создавать видимость произвола в сознании участников судопроизводства, которые должны иметь возможность принимать решения с достаточной степенью предсказуемости на основании ясных, общих и стабильных критериев.

17. Чтобы правосудие не выродилось в лотерею, объем прав участников судопроизводства не должен зависеть каким-либо образом от того, какой суд рассматривает дело. Тот факт, что участники судопроизводства могут получить диаметрально противоположные ответы на примерно один и тот же правовой вопрос в зависимости от вида суда, вынесшего решение по их делу, может лишь причинить вред репутации судов и уменьшить доверие общественности к судебной системе.

18. По вышеизложенным причинам мы считаем, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

ББК 67.91
 УДК 341.64
 Author ID 1134229
 SPIN-код 5426-1232
 DOI 10.52390/2411-5231_2022_2_23

Юрий Юрьевич Берестнев,
 главный редактор журнала
 «Бюллетень Европейского Суда
 по правам человека. Российское издание»
 berestnev@echr.today

ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ ПО КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о гарантиях свободы выражения мнения парламентариями, предоставляемых институтом парламентского иммунитета. Анализируются правовые позиции, содержащиеся в прецедентном постановлении по этой проблематике, вынесенном Большой Палатой Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, юрисдикция, свобода выражения мнения, личная свобода, депутатская неприкосновенность, Европейская конвенция о правах человека.

Yuri Yurievich Berestnev,
 editor-in-chief
 «Bulletin of the European Court of Human Rights.
 Russian Edition»
 berestnev@echr.today

PREDICTABILITY OF THE INTERPRETATION AND APPLICATION OF LEGISLATION AND FREEDOM OF EXPRESSION ON THE CONVENTION ON HUMAN RIGHTS

Abstract. The article deals with the issue of guarantees of freedom of expression of opinion by parliamentarians provided by the institution of parliamentary immunity. The legal positions contained in the precedent ruling on this issue, issued by the Grand Chamber of the European Court of Human Rights, are analyzed.

Keywords: European Court of Human Rights, jurisdiction, freedom of expression, personal freedom, parliamentary immunity, European Convention on Human Rights.

Дело Селлахаттина Демирташа – один из ключевых эпизодов внутриполитической жизни Турции, оказавшийся в фокусе внимания Европейского Суда по правам человека. Суд, рассмотревший в Большой Палате жалобу турецко-курдского поли-

тика, сформулировал в своем Постановлении от 22 декабря 2020 г.¹ ряд принципиальных моментов, имеющих прецедентное значение для всех стран – членов Совета Европы.

С. Демирташ являлся избранным членом Великого национального собрания Турции (далее – парламент Турции) и одним из сопредседателей левой прокурдской Народно-демократической партии Турции. 20 мая 2016 г. в Конституцию Турции была внесена поправка, согласно которой депутаты парламента лишались парламентской неприкосновенности во всех случаях, когда запрос о снятии передавался в парламент до даты принятия упомянутой поправки. Эта реформа, поддерживаемая Президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, была обусловлена, как представляется, стремлением накануне начала переговоров, направленных на разрешение «курдского вопроса», ослабить прокурдские силы в легальной турецкой политике. Заявитель являлся одним из 154 парламентариев (включая 55 членов Народно-демократической партии), которых затронула внесенная поправка в Конституцию Турции. В ноябре 2016 года заявитель был задержан по подозрению в «членстве в вооруженной террористической организации» и «подстрекательстве к совершению уголовных преступлений».

Помещение С. Демирташа в заключение – пример многочисленных судебных разбирательств над членами прокурдских политических партий в Турции. На протяжении последних 30 лет такие партии одна за другой распускались решениями Конституционного суда Турции и затем воссоздавались под другими названиями, в то время как соответствующие постановления ЕСПЧ указывали на нарушения права на свободу собраний и объединений. Например, в Постановлении 2010 года по делу Народной партии демократии² Европейский Суд указал, что «без плюрализма невозможна демократия», и заметил, что свобода выражения мнения относится не только к идеям, которые считаются безобидными, но и тем, которые «оскорбляют, шокируют или беспокоят»³.

Под давлением общественного мнения и в связи с устойчивой практикой Европейского Суда, выносившего свои постановления, констатировавшие нарушения Европейской конвенции о правах человека турецкими властями, послед-

¹ См.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Селлахаттин Демирташ против Турции» (№ 2) (Selahattin Demirtas v. Turkey) (N 2), жалоба № 14305/17. См. с. 27 настоящего номера.

² Постановление Европейского Суда по делу «Народная партия демократии и Демир против Турции» (HADEP and Demir v. Turkey) от 14 декабря 2010 г., жалоба № 28003/03 // <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-102256>

³ См. параграф 57 упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Народная партия демократии и Демир против Турции» (HADEP and Demir v. Turkey).

ние изменили тактику борьбы с политическими оппонентами: вместо прекращения деятельности целых партий они стали преследовать отдельных активистов и лидеров этих организаций. В отношении членов ДПН было инициировано большое количество судебных разбирательств по обвинению в терроризме из-за их публичных выступлений и высказываний.

Именно эта практика и явилась предметом рассмотрения в деле С. Демирташа. Суд рассмотрел вопрос о том, что в связи с имевшим место вмешательством в право заявителя на свободу выражения мнения вследствие применения в отношении него совокупности мер, а именно отмены парламентской неприкосновенности заявителя, заключения заявителя под стражу и продления срока его содержания под стражей, возбуждения уголовного дела против него на основании доказательств, включавших его политические выступления, было ли толкование и применение законодательства Турции предсказуемым в тот момент, когда заявитель выступал с высказываниями, ставшими основанием для предъявления ему обвинения.

Первый аспект рассматриваемого вопроса связан с проблемой парламентской неприкосновенности. Статья 83 Конституции Турции предусматривает два вида неприкосновенности для членов парламента Турции: неподсудность (то есть свобода выражения мнения, которая означает, что они не могут быть подвергнуты судебному преследованию на основании своего голосования или мнений, высказанных в парламенте, или распространения этих мнений за пределами парламента, если только сам парламент не решит иначе) и неприкосновенность. Неподсудность является абсолютной, и она продолжает распространяться на членов парламента даже после того, как истек срок их полномочий. Повторение политических высказываний за пределами парламента не может толковаться как ограниченное только теми же словами, которые были использованы внутри парламента.

Конституционная поправка не изменила статью 83 Конституции Турции в той части, которая касалась неподсудности. Депутаты парламента, на которых распространялась поправка, продолжали пользоваться правовой защитой. Однако вопрос состоял в том, как турецкие суды определяли то, распространялась ли парламентская неподсудность на политические высказывания заявителя. По оценке Европейского Суда, рассмотрение судами Турции всех инстанций соответствующих доводов заявителя было совершенно неадекватным.

Но здесь имеется еще и вопрос о предсказуемости правовых норм. Парламентская неприкосновенность защищала членов парламента от какого-либо задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения в течение исполне-

ния ими своих полномочий, без согласия парламента. Однако после внесения поправки политические высказывания членов парламента Турции стали наказуемыми согласно уголовному законодательству Турции в отсутствие гарантий против обращений о снятии парламентской неприкосновенности, предоставленных статьями 83 и 85 Конституции Турции. В частности, парламент Турции более не был обязан оценивать индивидуальную ситуацию каждого затронутого этим вопросом члена парламента. Хотя парламент вроде бы и сохранил режим парламентской неприкосновенности, он в то же время сделал его неприменимым к некоторым депутатам на основании юридического текста, составленного по мнению ЕСПЧ, в очень общих и неопределенных формулировках. В связи с этим Суд полностью согласился с однозначным выводом Венецианской комиссии о том, что эта разовая беспрецедентная *ad homines* поправка была направлена явно на конкретные высказывания турецких парламентариев, особенно тех, которые принадлежали к оппозиции, и, таким образом, она являлась «злоупотреблением процедурой внесения поправок в Конституцию»¹.

Депутат парламента не мог обоснованно ожидать, что данная процедура будет введена в действие в период исполнения им своих полномочий, нарушая, таким образом, его право на свободу выражения мнения. Исходя из этого, Европейский Суд установил, что подобные корректировки правопорядка, а главное – толкование конституционных новелл судами, сделали такое вмешательство непредсказуемым.

Кроме того, необходимо отметить, что вопрос о депутатской неприкосновенности имеет также и другое измерение, связанное с правом на свободные выборы, гарантированные статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции. Это право не ограничивается только лишь возможностью участвовать в парламентских выборах. Заинтересованное лицо также имеет право, как только его выберут, заседать в качестве члена парламента. Для гарантии этого права ключевое значение имеет правило о парламентском иммунитете. Применение меры, лишаящей члена парламента или кандидата в члены парламента свободы, автоматически не означает, по мнению ЕСПЧ, нарушения статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Тем не менее с учетом значимости права члена парламента на свободу и неприкосновенность суды государства –

¹ Пункты 73–74 заключения Венецианской комиссии. См. документ CDL-AD (2016)027 от 14.10.2016 «European Commission for democracy through law (Venice Commission). Turkey opinion on the suspension of the second paragraph of article 83 of the constitution (parliamentary inviolability). Adopted by the Venice Commission at its 108th Plenary Session (Venice, 14-15 October 2016)» // [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad\(2016\)027-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2016)027-e)

участника Конвенции должны при вынесении постановления о заключении лица под стражу и/или продлении срока содержания лица под стражей учитывать все относящиеся к делу интересы, включая свободу выражения политических мнений членами соответствующего парламента. Важным элементом в процессе установления баланса упомянутых интересов является вопрос о том, имеют ли обвинения политическую основу.

Второй аспект рассматриваемой проблемы связан с обвинениями в совершении преступлений террористического характера. Заявитель был заключен под стражу, а срок его содержания под стражей продлевался на основании обвинений в совершении преступлений, состоявших в высказываниях, увязанных с террористической деятельностью.

Европейский Суд в очередной раз подчеркнул, что он принимает во внимание трудности, связанные с предотвращением терроризма и принятием антитеррористических законов. Государства – члены Совета Европы неизбежно прибегали к общим формулировкам, применение которых зависело от их практического толкования судебными властями. Толкуя законодательство в этом контексте, суды государства – участников Европейской конвенции должны были предоставлять физическим лицам надлежащую защиту от произвола.

Уголовный кодекс Турции не определял элементы состава преступления, которые были выработаны в прецедентной практике Кассационного суда Турции. В настоящем деле суды Турции приняли широкое толкование рассматриваемых преступлений. Политические высказывания, в которых заявитель выразил свое несогласие с определенной политикой правительства или просто упомянул о том, что он являлся членом организации «Конгресс демократического общества» – зарегистрированной и легитимно действующей организации, – являлись достаточными для того, чтобы представлять собой действия, способные установить активную связь между заявителем и вооруженной организацией. Суды Турции не приняли во внимание установленные Кассационным судом Турции требования, включая «длительность, разнообразие и интенсивность» действий заявителя или вопрос о том, совершил ли заявитель преступления, действуя в рамках своего положения в иерархической структуре террористической организации. Разнообразие действий, которые могли оправдать содержание заявителя под стражей в связи с рассматриваемыми тяжкими преступлениями, было таким большим, что не обеспечивало защиту от произвольного вмешательства в права заявителя со стороны властей. Подобное широкое толкование не могло быть оправдано, если оно влекло за собой приравнение использования права на свободу выражения мнения к участию в вооруженной террористической организации, к ее соз-

данию или руководству, в отсутствие каких-либо конкретных доказательств такой связи.

Если государство предоставляет парламентский иммунитет от обвинения и лишения свободы, то суды этого государства должны прежде всего проверить, что имеют ли члены соответствующего парламента неприкосновенность в отношении действий, в совершении которых их обвиняют. Однако в деле С. Демирташа суды не провели такой проверки, чем нарушили свою процессуальную обязанность, предусмотренную статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции. Также не было продемонстрировано, что внутригосударственные суды предприняли бы действия, направленные на достижение требуемого баланса, взвешивая все конкурирующие в деле интересы. Суды Турции не рассмотрели вопрос о том, были ли преступления, в совершении которых обвинялся заявитель, прямо связаны с его политической деятельностью, они также не приняли во внимание тот факт, что заявитель являлся не только членом парламента, но и одним из лидеров политической оппозиции, и исполнение им своих парламентских полномочий требовало более высокого уровня защиты.

Кроме того, не было объяснено, почему в деле заявителя недостаточно было применить альтернативную меру пресечения. То обстоятельство, что у заявителя отсутствовала возможность принимать участие в работе парламента Турции, пока он содержался под стражей, являлось необоснованным вмешательством в право на свободное выражение мнения и в право заявителя быть избранным в парламента и участвовать в его заседаниях. Следовательно, содержание заявителя под стражей в рамках избранной меры ему пресечения не соответствовало самой сути права, гарантированного статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции.

Признание Европейским Судом того, что заключение С. Демирташа продемонстрировало «подавление демократического диалога», обозначило таким образом твердую позицию Суда и в целом Совета Европы в их стремлении обеспечить политический плюрализм и свободу выражения мнения в европейских странах и, в частности, в Турции.

Постановление по делу Демирташа – это первый случай признания нарушения Турцией статьи 18 Конвенции. Высказанная Судом критика индивидуальных и более широких политических последствий заключения С. Демирташа является напоминанием о правовых инструментах, доступных ЕСПЧ, для противодействия системным нарушениям прав и свобод.

Следует также учитывать, что наряду с острым кризисом в отношениях турецких властей и лично президента Р.Т. Эрдогана с европейскими институтами, переросшими в настоящую дипломатическую войну, в связи с делом О. Кавалы, дело С. Демирташа имеет не только и не столько харак-

тер «академического» прецедента, сколько является составной частью системного конфликта ценностных ориентаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Implementing ECHR judgments: latest Committee of Ministers decisions. Committee of Ministers. Strasbourg, 3 December 2021. // https://www.coe.int/en/web/portal/full-news/-/asset_publisher/y5xQt7QdunzT/content/implementing-echr-judgments-latest-committee-of-ministers-decisions?_101_INSTANCE_y5xQt7QdunzT_languageId=en_GB

2. Reuters Staff. Turkish court sentences Demirtas to jail for insulting president: lawyer, Reuters (22 March 2021) // <https://www.reuters.com/article/us-turkey-security-demirtas-idUSKBN2BE2NT/>

3. ЕСПЧ потребовал от Турции немедленно освободить из тюрьмы курдского депутата. RFI, France Médias Monde 23/12/2020 // <https://clck.ru/bnKG7>

4. Implementing ECHR judgments: Council of Europe ministers again strongly urge Turkey to ensure the immediate release of Selahattin Demirtaş. Ref. DC 225(2021) // https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a4c209

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ СТАТЬИ:

Берестнев Ю.Ю. Предсказуемость толкования и применения законодательства и свобода выражения мнения по Конвенции о правах человека // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2022. № 2. С. 23.